

УЗНИКИ ЭМОЦИЙ

Книга 9

«ПЕПЕЛ РЕЗЕРВАЦИИ»

Кирилл Попов

12+

Кирилл Попов
УЗНИКИ ЭМОЦИЙ. Книга
9: «ПЕПЕЛ РЕЗЕРВАЦИИ»
Серия «УЗНИКИ ЭМОЦИЙ», книга 4

*<https://litres.ru/73819914>
SelfPub; 2026*

Аннотация

«Пепел резервации» — девятая книга Вселенной «Узники эмоций» (2075 год).

Резервации пали, импланты отключены — но свобода пришла в "пепле".

Тим и Лиза, дети Марка — героя, исчезнувшего в финале «Баланса», — возвращаются в руины резервации, создают «реабилитационный центр». Здесь бывшие синтетики учатся быть людьми — кто-то жаждет эмоций, кто-то их боится, а кто-то считает болезнью.

Лиза помогает подросткам вернуть чувства. Тим ищет ответы — и следы отца, которого считал погибшим. В подпольном клубе «Последний вздох» он встречает Катю, а затем проникает в секретную лабораторию

Нарастает угроза: культ «Чистых генов» борется против эмоций. На стене нового города появляется символ — сердце внутри шестерёнки. А в руке Тима — флешка с данными.

Что скрывал Марк? Что значит активированный «Проект Омега»? Мир стоит на пороге выбора: подавление или свобода чувств?

Содержание

Глава	5
Глава 1. Пролог	5
Глава 2. Пробуждение	6
Глава 3. Голос из прошлого	9
Глава 4. Клиника «Надежда»	13
Глава 5. Ольга: терапия	20
Глава 6. Чёрный рынок эмоций	26
Глава 7. Первый эмоциональный протест	32
Глава 8. Тень Доктора Смерти	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Кирилл Попов

УЗНИКИ ЭМОЦИЙ. Книга 9: «ПЕПЕЛ РЕЗЕРВАЦИИ»

Глава

Глава 1. Пролог

После активации протокола «Надежда» прошло несколько лет. Система контроля «Чистых генов» рухнула, но её последствия остались: тысячи людей, годами живших без эмоций, теперь учатся чувствовать заново. Клиника «Надежда», созданная Анной, Ольгой, Тимом и Лизой, становится центром реабилитации.

Анна получила анонимный файл со схемой клиники «Надежда» — оказалось, что Марк подготовил этот план задолго до своей жертвы. Теперь его дети и жена воплотят его мечту о свободе эмоций. Но впереди — самое сложное: научить людей жить с чувствами, которые они так долго подавляли...

Глава 2. Пробуждение

Тим почувствовал, как что-то сжалось в груди — не страх, а трепет, почти благоговение. Он подошёл ближе к старику, стоявшему у стены здания клиники «Надежда».

— Как вас зовут? — спросил Тим мягко.

— Михаил, — старик опустил трость, его рука дрожала. — Я был... не знаю, кем я был. Просто номером. Теперь, может, стану человеком.

Лиза достала из кармана небольшой прибор — сканер эмоций. Он был самодельным, собранным из остатков старых считывателей-гармонв и деталей, найденных в заброшенных лабораториях, но работал стабильно. Она поднесла его к Михаилу.

— Расслабьтесь, — сказала она. — Просто дышите.

Прибор запищал, на экране запрыгали графики. Лиза прищурилась, вглядываясь в данные.

— Уровень серотонина низкий, но есть реакция, — она улыбнулась шире, и в этой улыбке было столько тепла. — Вы начинаете чувствовать. Это хороший знак.

Михаил посмотрел на сканер, потом на Лизу, и на его лице проступило что-то, чего Тим не видел раньше. Не просто эмоция — пробуждение, словно лучик света, в темноте.

— Спасибо, — прошептал старик, и в его глазах заблестели слёзы.

Вдалеке раздался крик. Тим резко обернулся. По улице бежали несколько подростков, смеясь и толкаясь. Один из них споткнулся, упал, но тут же вскочил, хохоча.

— Смотрите! — Лиза указала вперёд. — Они... они просто играют. Без контроля имплантов, без команд. Просто так.

Тим улыбнулся. Впервые за долгое время он почувствовал, что всё не зря — их борьба, жертвы, потери. Всё вело к этому моменту.

— Пойдём, — сказал он. — Нам ещё много нужно сделать.

Они пошли дальше, оставляя Михаила стоять у стены. Старик смотрел им вслед, а потом поднял голову к небу. Пепел всё ещё кружился в воздухе — остатки сожжённых архивов «Чистых генов», — но теперь он казался не символом разрушения, а чем-то другим. Чем-то, что может стать началом.

Лиза взяла Тима за руку.

— Знаешь, — тихо сказала она, — я думала, что самое сложное — это сломать систему. Но, кажется, настоящее испытание только начинается. Научить людей чувствовать — вот что по-настоящему трудно.

Тим сжал её руку в ответ, чувствуя, как в груди разливается тепло.

— Зато мы делаем это вместе.

Они шли вперёд, а за их спинами ветер разносил пепел,

превращая его в пыль, которая больше не жгла губы, а просто улетала прочь, уступая место новому дню.

Глава 3. Голос из прошлого

Место действия: заброшенная лаборатория резервации №

7. Время: поздний вечер.

Тим осторожно перешагнул через груды искорёженного металла — когда-то это был гормональный терминал. Воздух здесь был гуще, чем на улице: смесь затхлости, старой пластмассы и едва уловимого химического запаха, будто лаборатория всё ещё хранила следы экспериментов.

— Здесь ничего не трогали годами, — пробормотал Макс, его голос эхом отразился от голых стен. — Как будто время остановилось.

Макс, техник с вечно перепачканными маслом рукавами и вечной ухмылкой, сейчас выглядел непривычно серьёзным. Он посветил фонариком в глубину помещения — луч выхватил ряды пустых шкафов, разбросанные бумаги и останки оборудования, покрытые слоем пыли.

— Смотри, — Тим указал на уцелевший компьютер у дальней стены. Экран был покрыт слоем пыли, но корпус выглядел целым. — Он может работать.

Они подошли ближе. Тим провёл рукой по поверхности, стирая пыль. Под ней проступили знакомые символы — логотип «Омега» (круг внутри треугольника).

— Ты уверен, что хочешь это включить? — Макс положил руку на плечо Тима. — Некоторые двери лучше не от-

крывать.

— Мы не сможем помочь людям, если не поймём, что с ними сделали, — Тим нажал кнопку питания.

Компьютер тихо загудел, экран замерцал, потом засветился тусклым синим светом. Последовала долгая пауза, затем на экране появилось видео.

Молодая женщина в белом халате смотрела прямо в камеру. Доктор Лина. Её лицо было усталым, но глаза горели решимостью.

Доктор Лина (на экране): «День 147. Эксперимент № 42. Мы добились стабилизации эмоций у синтетиков, но цена слишком высока. Они теряют волю, становятся послушными машинами. Я пыталась убедить Орлова остановить проект, но он говорит, что это «необходимая жертва». Сегодня один из подопытных спросил: «А я вообще человек?» Я не смогла ответить...»

Тим замер, не отрывая взгляда от экрана. Макс тихо присвистнул.

Доктор Лина: «Я начала тайно модифицировать считыватели. Добавляю микродозы окситоцина и серотонина в резервный микроблок, чтобы сохранить хотя бы намёк на эмоции. Это рискованно, но я не могу позволить им превратиться в роботов. Если кто-то найдёт эти записи, знайте: они не машины. Они люди. Повторяю это себе каждый день: Ты не машина. Ты человек».

Фраза прозвучала так отчётливо, будто доктор Лина обра-

щалась прямо к Тиму. Он почувствовал, как по спине пробежал холодок.

Доктор Лина: «Сегодня Орлов приказал уничтожить все записи. Я спрятала копии в системе. Если вы это смотрите, значит, система дала сбой. Используйте мои данные. Помогите им почувствовать. Освободите их».

Видео закончилось. Экран погас. В помещении повисла тишина, нарушаемая только тиканьем какого-то неисправного прибора где-то в глубине лаборатории.

— Она... она пыталась их спасти, — прошептал Тим. — Все эти годы мы думали, что учёные были частью системы, а она боролась.

Макс помолчал, потом ткнул пальцем в экран:

— Смотри. Там внизу мигает индикатор. Ещё записи.

Тим снова включил терминал. На экране появилась новая запись — более поздняя. Лина выглядела старше, измождённой.

Доктор Лина: «Они нашли мои модификации. Меня отстранили от проекта. Но я успела передать данные Марку и Анне. Надеюсь, они смогут закончить то, что я начала. Если кто-то видит это видеосообщение — помните: эмоции нельзя контролировать. Их можно только чувствовать. И это самое главное, что у тебя есть».

Экран окончательно погас. Компьютер издал короткий писк и отключился.

— Вот почему они восстали, — Тим сжал кулаки. — Не

из-за гормонов. Из-за того, что в них всё ещё были люди.

Макс похлопал его по плечу:

— Да, теперь мы понимаем, с чем имеем дело... Или нет?

Тим огляделся. Лаборатория больше не казалась мёртвой. Казалось, будто она полна голосов прошлого, шёпотом тех, кто боролся, и криком тех, кого пытались сломать.

— Пойдём, — сказал он. — Нужно показать это Лизе. И остальным. Нужно обсудить все что мы увидели.

Они вышли из лаборатории. За их спинами в темноте что-то тихо щёлкнуло — будто терминал напоследок подмигнул им, отпуская в новый мир, где пепел прошлого больше не будет давить на плечи.

На улице уже стемнело. Вдалеке, у центра реабилитации, горели огни — Лиза работала допоздна. Тим посмотрел на небо, усыпанное звёздами, и прошептал:

— Мы закончим то, что ты начала, доктор Лина. Обещаю.

Макс молча кивнул. Они зашагали к огням, а в голове Тима снова и снова звучала фраза: «Ты не машина. Ты человек». Теперь он понимал её по-настоящему.

Глава 4. Клиника «Надежда»

Центр реабилитации «Надежда» (его ещё называли клиникой) был переоборудован из старого административного здания резервации. Раннее утро, первые лучи солнца пробивались сквозь запылённые окна, рисуя на полу золотистые квадраты.

Лиза стояла у окна, наблюдая, как первые пациенты собираются во дворе. Их движения были скованными, будто они боялись сделать лишний шаг. Кто-то стоял, уставившись в одну точку, кто-то механически переминался с ноги на ногу, словно запрограммированная кукла, забывшая свою последнюю команду.

— Они как... — Аня, молодая медсестра с веснушками на носу, подошла неслышно, — как заводные игрушки, которые забыли завести.

Лиза вздохнула, поправила бейджик с надписью «Психолог-реабилитолог» на халате:

— Они просто не знают, что делать со свободой. Вся жизнь им говорили, какие эмоции испытывать и когда. Теперь они растеряны — это нормально.

Они вошли в главный зал — просторное помещение с выцветшими плакатами о «гормональной стабильности» на стенах. Теперь плакаты были частично заклеены яркими рисунками детей сотрудников: радуги, солнца, улыбающиеся

лица. Контраст был разительным — словно прошлое и будущее столкнулись в одной комнате.

— Начинаем сеанс, — Лиза хлопнула в ладоши, привлекая внимание. — Сегодня мы будем учиться чувствовать через прикосновения. Это поможет вам заново познакомиться с миром.

Несколько пациентов переглянулись, но никто не двинулся с места. В воздухе повисло напряжение — страх перед неизвестным.

— Давайте я покажу, — Лиза подошла к большому деревянному ящику в центре комнаты и открыла крышку. Внутри лежали разнообразные материалы: гладкие камни, колючие шишки, шёлковые ленты, кусочки бархата, песок в прозрачных контейнерах. — Каждый из вас может выбрать то, что привлечёт ваше внимание.

Она взяла горсть песка и медленно пересыпала его из руки в руку:

— Чувствуете? Он тёплый, сыпучий, щекочет пальцы. Попробуйте. Не бойтесь.

Первым решился подросток лет шестнадцати с коротко стриженными волосами. Он неуверенно подошёл и опустил руку в песок.

— Холодный, — пробормотал он. — И... шершавый.

— Отлично! — Лиза улыбнулась, и её улыбка, искренняя и тёплая, словно дала ему сил. — Теперь попробуй вот это.

Она протянула ему гладкий речной камень. Подросток по-

вертел его в руках:

— Гладкий. Тяжёлый. И... тёплый. От моей руки.

Вокруг начали собираться остальные. Кто-то осторожно трогал шёлковые ленты, кто-то с любопытством рассматривал сосновые шишки.

— Больно! — вскрикнул мальчик лет двенадцати, уколотившись о шишку. Он поднёс палец ко рту, глаза расширились от удивления.

Лиза присела перед ним на корточки:

— Да, это больно. Но теперь ты знаешь, как это ощущается. И можешь быть осторожнее в следующий раз. Это хорошо — понимать свои ощущения.

Мальчик кивнул, всё ещё удивлённо разглядывая палец.

В углу зала Аня работала с девушкой лет двадцати. Та сидела, обхватив колени, и смотрела в одну точку.

— Вот, пощупай, — Аня протянула ей мягкую игрушку — плюшевого медведя. — Он пушистый, мягкий. Попробуй погладить.

Девушка медленно протянула руку, коснулась меха. Её пальцы замерли, потом начали осторожно гладить игрушку. На лице проступило что-то неуловимое — будто воспоминание о давно забытом ощущении.

— Тепло, — прошептала она. — Мягко...

Аня подмигнула Лизе через плечо.

Тем временем подросток с песком подошёл к другому ящику — там лежали музыкальные инструменты: колоколь-

чки, бубен, небольшая гитара. Он взял колокольчик и слегка встряхнул. Звонкий звук заставил его вздрогнуть, а потом... он улыбнулся.

— Красиво, — сказал он и встряхнул ещё раз, уже увереннее.

Остальные начали подтягиваться к музыкальным инструментам. Кто-то стучал по бубну, кто-то перебирал струны гитары. В зале зазвучала хаотичная, но живая мелодия — первый оркестр людей, учившихся чувствовать.

Лиза почувствовала, как к горлу подступает комок. Она отошла к окну, чтобы никто не заметил её слёз — слёз радости и облегчения.

— Впечатляет, да? — Тим вошёл в зал и встал рядом с ней.

— Ты видел? — Лиза вытерла глаза. — Они начинают пробуждаться. Тот мальчик почувствовал боль и понял это. Девушка ощутила мягкость игрушки...

— А подросток с колокольчиком, — Тим усмехнулся. — Впервые за жизнь услышал звук и улыбнулся. Это победа.

— Это только начало, — Лиза повернулась к залу. — Но посмотри, как они взаимодействуют. Ещё вчера они стояли поодаль, а теперь передают инструменты друг другу, показывают, что нашли.

Тим кивнул:

— Макс установил камеры во дворе. Говорит, что ночью некоторые выходят туда и просто смотрят на звёзды. Раньше

им это было неинтересно.

— Потому что раньше звёзды не вызывали эмоций, — Лиза вздохнула. — Их учили, что небо — это просто фон. А теперь...

Её прервал громкий смех. Подросток с колокольчиком умудрился одновременно задеть струны гитары и ударить по бубну. Получился такой нелепый звук, что все вокруг расхохотались.

Даже девушка с плюшевым медведем улыбнулась, а мальчик, уколотившийся шишкой, хохотал громче всех.

— Видишь? — Тим положил руку на плечо Лизы. — Они учатся не только чувствовать, но и делиться этим. Радостью, удивлением, даже неловкостью.

Лиза вытерла слёзы, на этот раз от смеха:

— Нам нужно больше таких занятий. И... может, организовать прогулку за пределы центра? Пусть почувствуют ветер, траву под ногами.

— Я договорюсь с охраной, — Тим достал планшет. — Сделаем небольшой маршрут по безопасной зоне.

В это время подросток с колокольчиком подошёл к Лизе:

— Можно я возьму это с собой? — он показал на колокольчик. — Я хочу... хочу показать это другим. Тем, кто ещё не пришёл сюда.

Лиза опустилась перед ним на колени:

— Конечно можно. И знаешь что? Ты можешь сам провести такое занятие для них. Покажешь, что чувствуешь, когда

звенит колокольчик. Объяснишь, как это — ощущать мир.

Подросток на мгновение замер, потом кивнул:

— Да. Я покажу.

Он отошёл к друзьям, начал что-то объяснять, показывая колокольчик. Через минуту они уже вместе придумывали, как организовать «выставку ощущений» во дворе.

— Смотри, — Тим ткнул пальцем в окно. — Там уже собираются те, кто пока не решается войти. Смотрят на наших.

Лиза посмотрела, действительно, у ворот клиники стояли несколько человек — те самые, кто вчера протестовал против «навязывания эмоций». Теперь они с любопытством наблюдали за происходящим во дворе. Одна женщина даже сделала шаг вперёд, потом остановилась, будто сомневаясь.

— Сегодня вечером нужно провести общее собрание, — Лиза повернулась к Тиму. — Объяснить всем, что реабилитация — это не принуждение, а возможность. Показать, что они могут выбирать, какие ощущения испытывать. Что эмоции — это не хаос, а часть нас.

— И что не все эмоции — это хаос, — добавил Тим. — Что радость, любопытство, даже лёгкая грусть — это нормально. Это делает нас людьми.

— Именно, — Лиза посмотрела на часы. — Через час у нас занятие с родителями некоторых пациентов. Нужно подготовить материалы — показать, как они могут помочь дома.

— Я помогу, — Тим уже доставал из сумки дополнительные материалы. — Макс обещал привезти ещё природных

материалов — ракушки, мох, гладкие камешки из реки.

Лиза улыбнулась:

— Спасибо. И... спасибо, что ты здесь. Без тебя я бы не справилась.

— Мы делаем это вместе, — Тим подмигнул. — Как и обещали.

За окном солнце поднималось выше, заливая зал тёплым светом. Смех и звон колокольчиков смешивались с перестуком бубна, создавая мелодию, которой не было в резервации. Мелодию пробуждения, мелодию свободы, мелодию жизни.

Глава 5. Ольга: терапия

Кабинет Ольги в центре реабилитации «Надежда» выглядел скромно — ничего лишнего, только необходимое. Она не любила часто и много общаться: события прошлых лет оставили глубокие следы на её психике. Но она упорно училась замечать прекрасное в обыденном: угасающий оранжевый закат поздним вечером, тонкий аромат лаванды от аромалампы на столе, игру света на стеклянной вазе с сухими травами.

Ольга поправила очки и ещё раз проверила записи в планшете. На экране мерцали графики эмоциональных реакций её сегодняшних пациентов — неровные линии, то взлетающие вверх, то проваливающиеся в нуль. Каждый пик и провал — чья-то история пробуждения.

Дверь тихонько скрипнула. На пороге стоял Пётр — бывший куратор резервации № 7, теперь один из её пациентов. Его форма, когда-то безупречно отглаженная, теперь выглядела мятой, а взгляд, обычно холодный и расчётливый, был растерянным.

— Проходите, Пётр, — Ольга указала на кресло напротив. — Присаживайтесь.

Он медленно опустился в кресло, сжимая и разжимая пальцы. Ольга отметила это движение — явный признак внутреннего напряжения.

— Вы хотели поговорить о чём-то конкретном? — она говорила мягко, но уверенно, стараясь не давить.

Пётр поднял глаза:

— Я не сплю уже третью ночь. Вижу их лица. Тех, кого отправлял в изоляцию. Тех, кому отказывал в лечении. Я думал, что выполняю приказ, что это ради их же блага...

Он замолчал, сглотнул. Ольга молча пододвинула ему стакан воды. Пётр сделал глоток, поставил стакан на стол — рука дрожала.

— В ту ночь, — продолжил он, — когда отключили центральные серверы... Я был в своём кабинете. Видел на мониторах, как они начали чувствовать. Первый раз за годы. Один мужчина упал на колени и заплакал. Просто плакал, понимаете? Без команды, без гормональной инъекции. И я вдруг осознал... что мы отняли у них это право.

Ольга откинулась на спинку кресла. На стене за её спиной висела большая картина — абстрактная композиция из ярких мазков. Она специально выбрала её: цвета должны были пробуждать эмоции, а не успокаивать.

— Пётр, — тихо сказала она, — вы пришли сюда не для того, чтобы каяться. Вы пришли, чтобы научиться жить с этим. Чувствовать вину — это тоже эмоция. И она может стать толчком к изменениям.

Она встала, подошла к шкафу и достала небольшую шкапулку. Внутри лежали старые аудиозаписи — голоса пациентов до и после отключения системы.

— Послушайте, — она включила одну из записей.

Мужской голос, монотонный и безжизненный: «День 147. Эмоциональный фон стабильный. Уровень серотонина — 3 единицы. Выполняю задание № 458».

Следующая запись — тот же голос, но теперь в нём слышны интонации, дрожь: «Я... я сегодня видел закат. Он был красный, такой красный, что у меня защемило в груди. Я не знал, что так бывает. Я... я плакал. Просто от того, что это красиво».

Пётр закрыл лицо руками. Плечи его затряслись.

— Видите? — Ольга осторожно положила руку ему на плечо. — Вы были частью системы, но теперь можете стать частью исцеления. Помогите нам понять, как работали механизмы контроля. Расскажите, что вы знаете о резервных кодах Орлова. Это может помочь спасти тех, кто ещё не пробудился.

Пётр медленно поднял голову. В его глазах стояли слёзы, но в них больше не было отчаяния — только решимость.

— Я помогу, — прошептал он. — Я покажу вам всё. Все протоколы, все лазейки. Они думали, что сделали нас машинами, но...

— Но мы люди, — закончила за него Ольга. — И это главное.

В этот момент дверь приоткрылась, и в кабинет заглянула Аня:

— Ольга, там... — она запнулась, увидев заплаканного

Петра. — Простите, я не хотела мешать.

— Всё в порядке, Аня, — Ольга улыбнулась. — Что случилось?

— Там пациентка, — Аня замялась. — Она отказывается от терапии. Говорит, что без имплантов ей страшно. Что эмоции — это хаос, который её уничтожит.

Ольга переглянулась с Петром. Тот уже встал, вытирая лицо рукавом:

— Позвольте мне поговорить с ней. Я... я понимаю её страх.

— Хорошо, — Ольга кивнула. — Пойдёмте вместе.

Они вышли в коридор. Свет ламп здесь был мягче, чем в кабинетах — специально для пациентов, которые ещё не привыкли к ярким ощущениям. На стенах висели фотографии природы: леса, моря, горы. Некоторые пациенты останавливались перед ними, рассматривали, иногда дотрагивались до стекла.

В конце коридора, у окна, сидела женщина лет сорока. Она обхватила себя руками, словно пытаясь защититься от чего-то.

— Елена, — Пётр подошёл к ней осторожно, присел рядом. — Я тоже боялся сначала. Думал, что эмоции — это слабость. Но знаете, что я понял? Страх — это тоже эмоция. И он говорит нам, что мы живы.

Елена подняла глаза. В них читалась борьба — между привычным страхом и искрой любопытства.

— Как вы... как вы справились? — прошептала она.

— Мне помогли, — Пётр улыбнулся. — Так же, как мы сейчас можем помочь вам. Хотите, я расскажу, как впервые почувствовал радость? Это было вчера. Я увидел, как ребёнок смеётся, просто потому что ему весело. И у меня в груди стало тепло. Вот так, — он приложил руку к сердцу. — Хотите попробовать?

Елена нерешительно кивнула. Пётр протянул ей руку:

— Пойдёмте в зал. Там сегодня занятие — учат чувствовать через музыку. Я буду рядом.

Она медленно вложила свою ладонь в его руку.

— Спасибо, — прошептала она.

Ольга стояла в стороне, наблюдая за ними. В груди разливалась тёплая волна — не от гормональной инъекции, а от чего-то настоящего, живого. Она достала блокнот и сделала пометку: «Групповые сессии с бывшими кураторами. Их опыт может стать мостом между страхом и принятием».

Аня подошла к ней:

— Удивительно, правда? Как быстро всё меняется.

— Не быстро, — Ольга покачала головой. — Долго и трудно. Но оно того стоит.

За окном окончательно стемнело. Вдали, над горизонтом, зажглись первые звёзды. Где-то в глубине центра звучала музыка — кто-то из пациентов нашёл старую гитару и теперь неуверенно перебирал струны.

Ольга глубоко вдохнула.

— Завтра, — сказала она Ане, — организуем встречу с родителями пациентов. Нужно показать им, что изменения возможны. И что мы не одни в этой борьбе.

— Сделаем, — Аня улыбнулась. — Я уже придумала несколько упражнений для семейных сессий.

Ольга посмотрела на часы. Было поздно, но усталость отступала перед ощущением правильности происходящего. Она выключила лампу на столе, и кабинет погрузился в полумрак, освещаемый только светом уличных фонарей за окном.

«Мы учимся заново, — подумала она. — Чувствовать, доверять, помогать. И каждый шаг, даже самый маленький, — это победа».

Где-то в коридоре снова зазвучала гитара — теперь увереннее, с ритмом. Кто-то начал подпевать.

Ольга улыбнулась и пошла к выходу, зная, что завтра будет новый день. И новые шаги к свободе.

Глава 6. Чёрный рынок эмоций

Подпольный клуб «Последний вздох» был спрятан в глубине заброшенного промышленного района — там, где официальные патрули появлялись редко, а тени казались гуще. Полночь. Воздух пропитан запахом дешёвого синтетического алкоголя и чего-то металлического — будто рядом работают мощные генераторы.

Тим шёл по тёмному коридору с тусклыми лампами, которые неравномерно освещали пространство. На стенах было много надписей, рисунков и граффити: символы культа «Чистых генов», запрещённые логотипы старых корпораций, обрывки фраз — «Эмоции — это слабость», «Память — яд», «Продай прошлое — купи будущее».

— Дальше без меня, — Макс, техник, остановился у тяжёлой стальной двери. Его пальцы нервно теребили край куртки. — Я подожду здесь. Этот район... он плохой.

— Ты уверен? — Тим обернулся. — Мне может понадобиться твоя помощь.

— Я буду на связи, — Макс достал коммуникатор. — Но внутрь не пойду. У меня там... плохие воспоминания.

Тим кивнул и толкнул дверь.

За дверью открылся зал, напоминающий пещеру: неровные стены из обнажённого бетона, свисающие провода, тусклые неоновые лампы, мерцающие в такт какой-то тяжёлой

электронной музыке. В центре зала стоял бар, сделанный из обломков старых серверов. За ним — женщина с короткими чёрными волосами и татуировкой в виде микросхемы на шее.

Но взгляд Тима сразу притянуло к другому: вдоль стен стояли стеллажи с маленькими стеклянными капсулами.

В каждой капсуле мерцало что-то голубоватое — остатки эликсиров эмоций. Рядом с каждой капсулой — ценник: «Радость — 300 токенов», «Уверенность — 250», «Спокойствие — 180».

— Впечатляет, да? — голос за спиной заставил Тима вздрогнуть.

Он обернулся. Перед ним стоял мужчина в длинном кожаном плаще. Лицо скрывала маска с голографическим дисплеем — она постоянно менялась, показывая то ухмылку, то оскал, то безразличное лицо.

— «Доктор Смерть», я полагаю? — Тим постарался, чтобы голос звучал твёрдо.

— О, вы слышали обо мне, — маска сменилась улыбкой. — Это льстит. Чем обязан визиту героя реабилитации?

— Мне нужны данные о поставках считывателей, — Тим шагнул ближе. — Кто их производил? Где базы?

— Милый мальчик, здесь не раздают информацию бесплатно. Но... — он сделал паузу, — я могу предложить обмен.

Он щёлкнул пальцами. Из тени выступила девушка. Её

глаза были огромными, почти детскими, а на запястье красовался старый считыватель с мигающим индикатором — знак эмоционала-донора.

— Катя, — представил её дилер. — Лучший донор в городе. Она может поделиться... частичкой себя. Хотите попробовать?

— Нет, — Тим отступил. — Мне нужны данные.

— Как скучно, — маска изобразила зевок. — Ты не понимаешь правил игры. Здесь всё имеет цену.

— А совесть? — резко бросил Тим. — Она сколько стоит? «Доктор Смерть» рассмеялся — звук был искажённым, будто пропущенным через фильтр:

— Совесть? Это устаревшее понятие. В нашем мире ценятся только токены и контроль.

— Ты ошибаешься, — Люди больше не хотят быть марионетками. Они учатся чувствовать по-настоящему.

— И что? — маска сменилась язвительной гримасой. — Горстка бунтарей против системы? Смешно.

— Система рухнула, — Тим сделал шаг вперёд. — «Чистые гены» больше не контролируют город. И мы закроем все такие места, как это.

— Осторожнее с угрозами, — «Доктор Смерть» поднял руку. — Охрана!

Из-за стеллажей вышли двое в чёрных костюмах — бывшие охранники резерваций, судя по треугольным нашивкам. Их движения были слишком плавными, слишком точ-

ными — явно модифицированные рефлексy.

— Тим, сзади! — крикнула Катя.

Он успел развернуться как раз вовремя, чтобы увидеть кулак, летящий ему в лицо. Удар пришёлся в скулу — перед глазами вспыхнули звёзды.

— Беги! — Катя толкнула его в сторону аварийного выхода. — Я их задержу!

Тим рванул к двери, слыша за спиной шум борьбы. Один из охранников отшвырнул Катю к стене. Она ударилась, но тут же вскочила, выхватила что-то из кармана — и швырнула на пол.

Вспышка ослепительного света, — и зал погрузился в хаос. Сигнализация завывала, лампы замигали, охранники на мгновение замерли, пытаясь «перекалибровать» зрение.

— Сюда! — Катя уже была рядом, тащила его к выходу. — Быстрее!

Они выскочили в переулок. Дождь лил как из ведра, вода струилась по стенам, превращая граффити в размытые пятна.

— Зачем ты это сделала? — Тим отдышался, прислонившись к стене.

— Потому что ты ищешь то же, что и я, — Катя сняла промокший капюшон. Её волосы прилипли ко лбу, но глаза горели решимостью. — Правду. И способ помочь им чувствовать по-настоящему, а не через эти жалкие капсулы.

Она достала из кармана маленький чип:

— Вот. То, что ты искал. Список поставок, маршруты, имена. «Доктор Смерть» хранил это в своем импланте-терминале, я скопировала.

Тим взял чип, повертел в руках:

— Почему я должен тебе верить?

— Потому что я тоже была там, — Катя указала в сторону резерваций. — И я знаю, каково это — просыпаться и понимать, что ты не чувствуешь ничего. А потом — всё сразу. Боль, страх, радость... Это как родиться заново. И я хочу помочь другим пройти этот путь. Без эликсира, без имплантов, без торговли чужими эмоциями.

Вдалеке завывли сирены.

— Они идут, — Катя кивнула. — Нам нужно уходить. Но сначала...

Она подняла руку и коснулась его щеки — легко, почти невесомо:

— Спасибо, что не стал брать мои эмоции. Что ищешь другой путь.

Её пальцы были холодными, но прикосновение обожгло. Тим вдруг понял, что впервые за долгое время кто-то коснулся его просто так — не для диагностики, не для проверки, а чтобы выразить благодарность.

— Пойдём, — он взял её за руку. — У меня есть план.

Они побежали вдоль переулка, оставляя позади «Последний вздох» и его ядовитые соблазны. Дождь смывал следы, а где-то впереди, за линией горизонта, уже брезжил рассвет.

Над городом, сквозь тучи, пробился первый луч солнца. Он упал на вывеску клиники «Надежда», заставляя её мерцать, как маяк в бурю.

Тим обернулся, глядя на исчезающие в тумане огни клуба:
— Мы закроем это место. Обещаю.

Катя улыбнулась:

— Тогда нам точно понадобится план получше.

И они побежали дальше — туда, где их ждали Лиза, Ольга и те, кто верил, что эмоции нельзя купить. Их можно только прожить.

Глава 7. Первый эмоциональный протест

Было раннее утро. Туман ещё не до конца рассеялся, но первые лучи солнца уже пробивались сквозь облака, освещая крыши зданий. Воздух был насыщен свежестью, пахло влажной землёй и чем-то чистым.

Тим и Лиза стояли на крыльце центра, наблюдая, как перед зданием собирается толпа. Тим понимал, что Катя ушла — ушла ещё вчера, когда они все легли спать. Он не пытался понять её: она была словно из другого измерения, из другой жизни. Лиза посмотрела на него и всё поняла. Тим чувствовал — он испытал эмоции к Кате. Впервые за много лет. Но она ушла... молча, тихо, словно растворилась под покровом ночи.

Люди не кричали, не толкались — они просто стояли молча. Но в этой тишине чувствовалось напряжение, готовое вот-вот взорваться.

— Их больше, чем вчера, — Лиза сжала руку Тима. — И они не уйдут просто так.

На импровизированной трибуне появился Виктор — высокий, с резкими чертами лица и шрамом над бровью. Когда-то он был куратором службы эмоциональной безопасности, теперь — лидер протеста.

— Слушайте меня! — его голос, усиленный портативным динамиком, разнёсся над площадью. — Они говорят, что помогают нам! Что учат чувствовать! Но разве мы просили об этом? Разве мы хотим этого хаоса?

Толпа загудела, кто-то одобрительно закивал.

— Что они делают? — прошептал Тим. — Они же сами были рабами системы!

— Страх, — тихо ответила Лиза. — Страх перед свободой. Перед тем, что они могут почувствовать. Перед тем, что это может их сломать.

Виктор поднял руку, и шум стих.

— Они навязывают нам эмоции! — продолжил он. — Говорят, что радость — это хорошо, а грусть — плохо. Но кто дал им право решать за нас? Мы хотим тишины! Покоя! Мы не хотим чувствовать!

Из толпы раздались одобрительные крики:

— Да!

— Оставьте нас в покое!

— Мы не машины! Но и не звери!

Лиза глубоко вдохнула и шагнула вперёд:

— Позвольте мне сказать!

Виктор усмехнулся:

— О, посмотрите, кто решил выступить. «Доктор чувств» собственной персоной?

— Я не «Доктор чувств», — спокойно ответила Лиза. — Я человек, который хочет помочь другим стать людьми. На-

стоящими. Не теми, кого программировали годами, и не теми, кто бежит от самих себя.

Она спустилась с крыльца и подошла ближе к толпе. Тим последовал за ней, незаметно положив руку на пояс — там, под курткой, лежал коммуникатор с кнопкой экстренного вызова.

— Вы боитесь, — продолжила Лиза. — И это нормально. Я тоже боялась. Боялась, что если начну чувствовать, то меня разорвёт на части. Что я не справлюсь с гневом, с болью, с радостью. Но знаете что? — она сделала паузу, обводя взглядом лица в толпе. — Боль — это напоминание, что мы живы. Радость — это награда за то, что мы рискнули. А страх... — она улыбнулась. — Страх — это просто сигнал, что мы на верном пути. Вы сейчас стоите на этой площади — и это собрание, эти эмоции, вы меняетесь и становитесь человечнее! Вы начали чувствовать.

Кто-то в задних рядах захлопал. Виктор нахмурился.

— Она лжёт! — крикнул он. — Эмоции — это хаос! Они разрушат нас!

— Вы уже сейчас доказываете обратное сами себе! — Лиза повернулась к Тиму. — Принеси, пожалуйста, зеркало из моего кабинета.

Тим кивнул и быстро скрылся в здании. Через несколько минут он вернулся с большим зеркалом. Лиза взяла его — не как символ стабильности и спокойствия, а как инструмент познания себя. У неё было полное ощущение, что она

на правильном пути.

— Подойдите, — она протянула руку. — Просто посмотрите. Ничего больше. Просто посмотрите сюда.

Несколько человек нерешительно подошли. Молодая женщина заглянула прямо в зеркало. На её лице проступило что-то неуловимое — будто воспоминание о давно забытом ощущении.

— Я чувствую свой взгляд, — прошептала она. — Свой собственный взгляд... И мне хорошо.

Мальчик лет десяти стоял рядом:

— Я тоже хочу, чтобы мне было хорошо. Можно я тоже посмотрю?

Лиза улыбнулась:

— Конечно! Это не хаос. Это жизнь. Вы можете выбирать, что чувствовать. Можете учиться управлять этим. Но сначала нужно позволить себе чувствовать вообще.

Виктор сделал шаг вперёд, но его голос уже не звучал так уверенно:

— Это... это обман! Они хотят снова нас контролировать!

— Контроль был раньше, — Тим выступил вперёд. — Когда вам говорили, какие эмоции испытывать и когда. Теперь мы предлагаем свободу. Выбор. Хотите — изучайте свои ощущения. Хотите — слушайте ветер. Хотите — плачьте, если больно. Хотите — смейтесь, если весело. Но это будет ваш выбор.

В толпе началось движение. Кто-то отходил от Виктора,

кто-то подходил ближе к Лизе. Пожилая женщина робко подошла к Лизе:

— Я... я хочу попробовать. Хочу понять, что значит «тепло» не по инструкции, а по-настоящему.

Виктор отступил на шаг. Его уверенность таяла на глазах.

— Вы не понимаете, — пробормотал он. — Это опасно.

— Да, — кивнула Лиза. — Жизнь опасна. Но она того стоит.

Она протянула ему руку:

— Пойдёмте со мной. Я покажу вам, что значит чувствовать без страха.

Виктор посмотрел на её руку, потом на толпу. Люди ждали. Ждали его решения.

Он медленно поднял руку и вложил её в ладонь Лизы.

— Хорошо, — прошептал он. — Покажи.

Виктор посмотрел в зеркало и одновременно почувствовал тепло человеческой руки, почувствовал позитивные намерения и расположенность к нему Лизы. На его лице появилась даже не улыбка, а мягкое блаженство. Он смотрел в зеркало и ощущал веер эмоций. Подобно цепной реакции — чем дольше он смотрел на себя, тем больше ощущал. Это заметили все вокруг.

Толпа замерла на мгновение, а потом раздалась аплодисменты. Кто-то улыбнулся, кто-то вытер слёзы. Мальчик, который стоял у зеркала и корчил смешные гримасы в зеркале сам себе, потом подбежал к матери и обнял её.

— Спасибо, — тихо сказал Виктор. — Я... я не знал, что так бывает.

Лиза улыбнулась:

— Теперь знаете. И мы будем рядом, пока вы учитесь.

Солнце поднялось выше, рассеяв остатки тумана. На площади, где ещё час назад царило непонимание, теперь звучали разговоры, смех, вопросы. Люди трогали друг друга за руки, слушали, как шелестит листва на ветру, смотрели друг другу в глаза — и учились видеть в них не страх, а понимание.

Тим подошёл к Лизе:

— Получилось.

— На этот раз да, — она вздохнула. — Виктор был прав в одном: эмоции могут быть опасны. Если не научиться с ними обращаться.

— Значит, научим, — Тим обнял её за плечи. — Шаг за шагом.

Они стояли и смотрели, как люди, ещё вчера бывшие чужими друг другу, теперь делились первыми ощущениями, помогали друг другу понять, что значит «чувствовать».

Где-то вдалеке, за линией горизонта, клубились тёмные тучи. Но здесь, на площади перед «Надеждой», светило солнце — и его тепло ощущали все.

Глава 8. Тень Доктора Смерти

Площадь перед клиникой «Надежда» была залита холодным светом прожекторов. Был уже вечер. Лиза стояла на ступенях, обращаясь к толпе беженцев:

— Мы не заставляем вас чувствовать! Мы предлагаем выбор. Вспомните, что значит быть человеком...

Люди слушали настороженно. Кто-то кивал, молча смотрел и слушал. Тим наблюдал, сканируя взглядом лица — он искал признаки слезки. Внезапно его коммуникатор завибрировал. На экране высветилось анонимное сообщение:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.